

звать всѣхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы хотя-бы испански-ми именами, перенести мѣсто дѣйствіе въ любой изъ городовъ Испаніи, назвать пьесу „переводомъ съ испанскаго“ и въ голову ни кому не пришло-бы, что это мистификація. За это можно ручаться.

Данная въ бенефисъ г. Макшеева, переведенная какъ разъ съ испанскаго драма „За наслѣдство,“ хотя и написана *современнымъ* испанскимъ драматургомъ, но наводитъ своимъ содержаніемъ на мысль о томъ; что сей *современный* *нашъ испанецъ*—мужчина, по меньшей мѣрѣ „ископаемый“ и далеко не столь даровитый сколь *древніе* его компатріоты и товарищи по оружію Лопе-де-Вега и Тирса-де-Молипа.

Chef d'oeuvre'омъ литературно-драматической непригольности, преподнесенной Москвѣ „образцовой“ драматической сценой, по всей справедливости слѣдуетъ считать „Вдоворотъ“ И. В. Шнягинскаго. Дать артистическія силы для спасенія ее отъ провала не поспешила дирекція императорскихъ театровъ. Съ этой благотворительной, для автора, цѣлью дирекція не постѣснилась утруждать такія силы, какъ г-жи Н. М. Медвѣдева, Г. Н. Оедотова, М. Н. Ермолова и гг. Ф. П. Горевъ и К. Н. Рыбаковъ. И все-таки.. все-таки ничего даже и изъ этого не вышло! Пьеса всѣмъ, мало малѣски размышляющимъ людямъ, показалась абсурдомъ, клеветой на дѣйствительную жизнь и всѣ ея дѣйствующія лица—объектами для испихатрическихъ изслѣдованій.

Свѣтлымъ лучомъ на темномъ фонѣ репертуара истекшаго сезона являютя, повторяемъ, постановки „Эрнани“ В. Гюго, „Макбета“ Шекспира и „Федры“ Расина. Всѣ три пьесы—столь крупныя новинки репертуара Малаго театра, что говори о нихъ въ обзорѣ очеркѣ объ истекшемъ сезонѣ мы не считаемъ возможнымъ. Всѣмъ этимъ *капитальнымъ* прозведеніямъ европейской драматической литературы мы посвятимъ особыя статьи въ дальнѣйшихъ номерахъ нашего изданія.